

В.А. Тишков. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Монография академика РАН Валерия Александровича Тишкова – фундаментальное социально-антропологическое и историко-философское исследование национальной идентичности людей, осознающих себя, несмотря на радикальные трансформации 1917 и 1991 гг., причастными к пространству Российской империи – СССР – Российской Федерации (с. 5). По собственной формулировке автора, книга «обосновывает до этого постыдно игнорированный феномен российской историко-культурной и гражданско-политической общности и её многообразное единство».

Монография состоит из четырёх основных частей: 1. Теория и история российской идентичности; 2. Советский проект; 3. Социология российской нации; 4. Русский мир. Несколько глав написаны в соавторстве с В.В. Трепавловым, Т.Ю. Красовицкой, Д.А. Аманжоловой, О.Е. Казьминой, В.В. Степановым, М.В. Романовым (подробнее см. с. 36–37). Книга имеет богатый иллюстративный материал, множество сравнительных таблиц, графиков и диаграмм. Она написана на основе новейших научных представлений об обществе, государстве и нации. Этнография, история, философия и политика в этом труде неразрывно связаны, а в центре монографии – становление категорий «россияне» и «российский народ».

Утверждение представления о российском народе как о гражданской нации, убедительно показывает В.А. Тишков, и есть процесс формирования национальной идентичности (нациестроительства). В основе его – осознание россиянами того, что наша страна – национальное государство и мы – единый народ: многообразный и цельный, с общими языком, ценностями, песнями, праздниками, переживаниями за победы и драмы своей страны (с. 36). Именно национальное самосознание делает россиян народом-нацией (с. 3). При этом применительно к нации автор не де-

лает различия между понятиями «самосознание» и «идентичность» (с. 4, 64). Ещё в 1918 г. П.Б. Струве писал, что «нация конструируется и создаётся национальным сознанием» (причём термин «конструирование» был использован им в том же смысле, как его понимает современная теория социального конструктивизма – с. 20, 38). И вот спустя столетие очевидные тогда истины нуждаются в новом понимании и обосновании.

В основе авторского подхода – понимание того, что «государство Российское было, есть и будет», что оно во все времена оставалось постоянным фактором истории для его жителей и внешнего мира (с. 6). Новаторски для общественного сознания звучит представление Тишкова о российском государстве как государстве национальном, каковым оно стало «со времени поздних Романовых» и оставалось в период существования СССР (с. 7). Нельзя не согласиться с автором, что для самого существования России жизненно важно утверждение в нашем научном и общественно-политическом языке понимания «нации» как сообщества граждан одного государства – понимания, которое давно утвердилось во всём мире (с. 9). Автор предлагает использовать понятие «российский народ-нация» при сохранении категории «нация» в отношении всех этнических общностей страны.

Существование наций как этнических общностей, к примеру, каталонцев и басков в Испании, шотландцев в Великобритании, квебекцев в Канаде, столь же бесспорно, как и существование американской, испанской, британской, канадской, австралийской, бразильской, индийской и китайской общегражданских наций. Почему же Россия никогда не рассматривается в этом ряду как *национальное* государство? Опираясь на общемировую практику, необходимо, по твёрдому убеждению автора, ввести в нашу жизнь на всех уровнях и во всех общественно зна-

чимых сферах употребление термина «нация» в отношении «российского народа» (с. 9, 40, 85, 226, 305–306, 346, 600–601).

Одна из частных проблем, связанных с пониманием категории «российский» как «общий для всех граждан страны независимо от их этнического происхождения» связана с двойственным смыслом англоязычного понятия *Russian*, которое, как известно, означает одновременно и «российский», и «русский» (с. 11, 530). Автор разделяет позицию М.Н. Тихомирова и Б.М. Клосса о том, что понятия Россия, «российский», «россиянин», встречаются ещё в конце XV в. (с. 93, 106). Окончательно утверждаются они в XVIII в. (с. 94–95), а вовсе не во времена Б.Н. Ельцина (с. 11, 109). Совершенно не случайно при погребении Петра I Феофан Прокопович восклицал: «До чего мы дожили, о Россияне?.. Петра Первого погребаем» (с. 101, 106). Одним из столпов именно российского национального самосознания В.А. Тишков обоснованно считает Н.М. Карамзина, которому, наряду с А.С. Пушкиным, принадлежит и приоритет введения понятия «россияне» в современный русский язык (с. 107–109, 126).

Таким образом, в книге всесторонне обосновывается точка зрения, что в России *есть* нация, и миф о том, что её не существует, должен быть развеян (с. 324, 334–335, 338, 346, 529–530, 600–601, 624–625). Автор обстоятельно аргументирует свою позицию (которая сложилась, по его признанию, ещё в 1990-х гг.), приводя и анализируя огромное количество высказываний выдающихся философов, историков и политиков различных эпох. Перед читателем выстраиваются и оказываются призванными к рассудительному, взвешенному диалогу взгляды мыслителей и политических деятелей разных взглядов и стран. В мировой науке категория «нация» рассматривается в бесчисленном количестве исторических, социологических и политологических трудов, но отечественные историки затрагивают эту проблематику крайне редко. Фактически В.А. Тишков стремится преодолеть своеобразное табу отечественного общественно-политического дискурса, призывая к коренному переосмыслению утвердившегося в нашем академическом и общест-

венном лексиконе значения слова «нация» (с. 101–102). Впрочем, как он справедливо отмечает, национальная идентичность конструируется и посредством таких, на первый взгляд, недискурсивных практик, как система паспортизации (с. 315).

Безусловно, не случайно обращение автора к истории отечественной философии. Именно в суждениях таких ее классиков, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, В.С. Соловьёв, И.А. Ильин, во многом было заложено основание современному пониманию волнующих общество категорий. Возвращение на рубеже 1980–1990-х гг. в академическое и политическое пространство их взглядов, с типичным для них смешением религиозного мистицизма, мессианства, либерализма, имперскости, апокалипсизма, элитарности и свободы, увы, не послужило продвижению новых представлений об обществе (с. 27). С другой стороны, ярко и актуально звучит, например, сравнение Г.П. Федотовым нации с музыкальным или поэтическим произведением, в котором первые такты или строки необязательно выражают главную тему, иногда раскрывающуюся лишь в конце (с. 40).

Рассматривая историю определения «национальная идентичность», автор обращается к воззрениям как Г.В.Ф. Гегеля, утверждавшего, что «современное общество нашло свою разумную идентичность в современном конституционном государстве», так и немецкого философа Ю. Хабермаса, считающего, что «государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность» (с. 61, 77). В своё время американский историк М. фон Хаген задался вопросами о том, каким образом Российской империи удалось просуществовать столь долгое время, как в её составе уживались разнообразные сообщества и территории, почему, с одной стороны, игнорируется единство Российской империи и Советского Союза, а с другой, – всячески подчеркивается полиэтничный характер обоих государств, что зачастую служит обоснованием не столько межнационального диалога, сколько выводов о будто бы предрешённом их распаде (с. 85–86, 89). Ответ автор находит у П.Б. Струве: «То, что делали и сделали

московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием империи» (с. 86, 89). Двойственность российского государства (империя и национальное государство) является для Тишкова отправной точкой размышлений о российском народе-нации как в историческом, так и в современном контексте. Исследователь категорически не приемлет взгляда на российский народ как на «внеациональную» или «наднациональную» общность людей, считая его драматическим заблуждением многих политиков и учёных. По его мнению, именно российскую идентичность следует считать единственно надёжным выражением единства страны (с. 86–87).

Обратимся к логике рассуждений автора о том, что означают термины «национальность» и «нация», что служит препятствием для осознания «русской нации», что такое «народ», этническое меньшинство и большинство. Понятия «народ» и «национальность», как отмечает Тишков (с. 41–42), лишь в России и ещё нескольких странах, например, в Китае считаются синонимичными и относятся именно к этнической принадлежности. В остальном же мире «национальность» означает гражданство. Но в нашей стране «этническое» понимание национальности укоренилось не только в науке и в общественном сознании, но и на государственном уровне, что, в частности, отражается и в номенклатуре общегосударственных переписей, в ходе которых гражданам России предлагается ответить на вопрос о национальной принадлежности. В итоге в переписи 2002 г. только 1% опрошенных не указали свою этническую принадлежность (в 2010 г. – *de facto* 0.4%).

Советская наука, как и современная практика, не признавала сложную (или двойную) идентичность, не позволяя фиксировать её даже в смешанных браках, не говоря уже о разных уровнях идентичности – этническом и общегражданском. В мировой же практике понятие «нация» неразрывно связано не с этносом, а с «государством», что отражено в категории «нация-государство». Именно так осознают и обозначают себя все суверенные государства мира, входящие в ООН. Получается, что, к примеру, Франция – это националь-

ное государство, так как во Франции все граждане считаются французами, а Россия – нет (с. 42–43).

Автор неоднократно напоминает читателю, что слово «нация» в русском политическом лексиконе встречается с XVIII в., а в дипломатическом протоколе оно употреблялось уже во второй половине XVII в. (с. 48, 59–60). С момента правления Петра I этот термин укореняется как в официальных документах, так и в общественной жизни. Характерным подтверждением этому является проект гр. Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах, который, в частности, гласил: «Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было ещё в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать её государем... Отечество купно с государем и корпусом своим представляет нацию... государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как есть ли вдруг и не приурочивая нацию, дать ей преимущества». В.А. Тишков делает важное замечание о том, что понятие «русский народ» представляло собой внеэтническую категорию. Так, известная в XIX в. книга М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа включала и сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, а также о шаманизме тунгусов и самоедов (с. 48–51, 60).

Позднее, в 1930-х гг. предполагалось, что все основные этнические общности СССР станут социалистическими нациями (Сталин даже определил их количество – 60). Однако известный этнограф С.А. Токарев, «не будучи обременённым сталинскими догмами», писал, что в современной научной литературе встречаются попытки «расклассифицировать» народы нашей страны на «нации», «народности» и «этнографические группы». Он справедливо считал такую классификацию, проводимую часто по формальным признакам, надуманной и ведущей к бесконечным спорам о том, является ли такой-то «народ» «нацией» или нет (с. 53–54, 60). В советской этнографии считалось, что этническое и национальное – синонимы. Отказываясь от этого представления, по

мнению автора, не следует изобретать и его суррогатов (этносоциальный организм, этникос и проч.), свойственных теории времён Ю.В. Бромлея, которые никак не совместимы с конкретным полевым этнографическим материалом (с. 61–62).

Огромное значение в становлении национальной идентичности, по глубокому убеждению автора, имеют собирательные (как внешние, так и внутренние) образы страны и народа. Тишков определяет национальную идентичность как общее представление граждан о своей стране, её народе и как чувство принадлежности к ним. Исследователь приходит к однозначному выводу о том, что национальная идентичность сограждан не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты (с. 65–66). Очевидны поэтому негативные результаты отсутствия в Конституции РФ определения российского народа как гражданской нации (с. 70–71). Автор отмечает, что с советских времен радикальных подвижек в отношении общественного восприятия категорий «народ» и «нация» не произошло не только в среде государственных служащих, но и среди учёных-гуманитариев. Он с сожалением констатирует, что государственный гражданский национализм и феномен российского народа остаются вне научной проблематики. И это при том, что возникновение российского национализма можно отнести ко временам Петра I и М.В. Ломоносова, когда самого понятия «нация» ещё не существовало (с. 94, 100–101).

По вопросу становления национализма в России автор разделяет мнение американской исследовательницы Л. Гринфельд, обращавшей особое внимание на вклад Петра I и Екатерины II. К концу XVIII в. «матрица» национального самосознания для будущих поколений россиян была создана. Екатерина II отчётливо понимала, как важно «создать, сплотить, охранять» мир множества различных народов России (с. 98, 103–104, 106, 122, 127, 179). О сплочении единой государственной нации в лице российского народа мечтал и Александр I, подтверждением чего служит проект М.М. Сперанского (с. 116, 121–122).

И тем не менее в историографии история «национального вопроса» в России сводится к истории «национальных дви-

жений». В результате из национальной истории российского государства выпадает история поляков, финнов, прибалтийских народов, обжитой части Алеутских островов, Аляски и крепости Росс в Северной Калифорнии (с. 78–79, 89). А сама Россия часто мыслится как «наднациональная» целостность или общность (с. 83–84, 89). Автор справедливо оценивает эту ситуацию как «неизживаемое заблуждение» о том, что есть «национальное» и что есть «этническое».

Ключевая роль в деле становления национально-государственной идентичности отводится единому языку (дискуссионным вопросам о русском языке и словесности в книге уделяется также много внимания). Употребление в России русского языка как *lingua franca* началось вовсе не в XX в. Общий язык осознавался как «русский»: недаром М.В. Ломоносов создал в 1755 г. именно «Российскую грамматику» (с. 96–97). К концу XVIII в. завершился процесс складывания русского литературного языка. Одновременно происходило становление российской интеллигенции, что можно считать показателем формирования национального самосознания (с. 103, 106). Важно и то, что «русское дворянство оказывалось этнически открытым сословием». В XVI–XVII вв. происходил приток аристократии тюркского происхождения, а в XVIII в. – остзейских немцев. (с. 177). Автор отмечает также славяно-финское взаимодействие, культурное взаимовлияние русского и коренного (аборигенного) населения, к примеру, ительменов, приамурских племен, калмыков, немусульманских народов Поволжья, населения Северного Кавказа (с. 158–174).

В XVIII–XIX вв., как уже говорилось, понятие «нация» означало прежде всего «самостоятельное политическое образование или государство» (с. 179). В трактате П.И. Пестеля «Русская правда» есть глава, целиком посвященная политике в отношении разных групп российского населения и формированию единого российского народа. Пестель по сути приравнивает понятия «народ» и «нация» (с. 180–181). Тишков приходит к заключению, что с конца XVIII до конца XIX в., т.е. на протяжении почти столетия, в стране домини-

рвала идея общерусской нации (с. 183). Неотъемлемой её частью становились и сибирские земли. П.П. Семёнов-Тян-Шанский писал, что с конца XIX в. Сибирь из азиатской колонии превратилась в «русскую землю», неотрывную часть русской нации (с. 184–187). «В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния», нация связана и обретает силу и возможности развития в рамках определенного государства (с. 144, 155). Как современно и актуально звучат эти слова П.Б. Струве!

Главной причиной краха Российской империи, как и распада Советского Союза, Тишков считает недостаточную степень развития общегражданской российской идентичности (с. 190–191). Напрашивается комментарий: конечно, далеко не все народы, живущие на территории России, в одинаковой степени считают себя частью российского народа. Однако можно поставить вопрос и по-другому: разве не очевидно, что у всех народов России есть общность истории?

Исследователь приходит к однозначному выводу и о том, что этнополитика и большевистского, и белых режимов также определялась представлением об общегражданской нации. Так, при установлении военной диктатуры в Сибири во главе с адмиралом А.В. Колчаком в 1918 г. правительство обещало всем, без различия религий и национальностей, получение защиты государства и закона (с. 200–201). Принятая в самые первые дни Октябрьского переворота Декларация прав народов России утверждала категорию «народы России» (понятие «нация» не использовалось), а объединяющей категорией выступало определение «трудящийся народ» (с. 211). При этом руководящие должности в Наркомнаце занимали представители около полусотни национальностей. Характерно, что среди них 126 человек владели двумя языками (русским и родным), 92 – тремя, 78 – четырьмя, 38 – пятью, 19 – шестью, 8 – семью (с. 215–216). В 1918 г. была создана общая культурно-просветительная комиссия Наркомнаца (для нерусских народов). На одном из совещаний Госкомиссии заместитель наркома просвещения историк М.Н. Покровский

жёстко отстаивал позицию поддержки общегосударственных задач, а не отдельных национальных культур. Он уверенно заявлял, что создание национальной культуры на средства центра – не что иное, как фактор культурного раздробления России (с. 217–218).

Однако после 1917 г. категории «русский народ» и «россияне» естественным образом ушли из официальной лексики из-за того, что из названия государства исчезли слова «Россия» и «Российская». «Конструирование наций» стало для большевиков своего рода «новой религией» (с. 222–223). Одна из сторон этой деятельности – изучение этнического (племенного) состава населения с целью превращения этнических групп в нации (с. 244). При этом на официальном уровне советская теория отвергала национализм как буржуазную идеологию. В итоге идеологи уже брежневского времени возводили «советский народ» до уровня «нового типа исторической общности людей», типологически невиданной «интернациональной общности». Тишков убедительно обосновывает мысль о том, что «феномен советской идентичности» (несмотря на отсутствие термина «идентичность»), безусловно, существовал на протяжении длительного времени, а в 1990-х гг. советский народ распался вовсе не потому, что был некой «аномалией», а по причине раскола элит и краха государственности. Иными словами, это произошло во многом из-за отсутствия единства общегражданской нации. Предостережением звучат слова автора о том, что и сегодня для этнонационалистов Россия как общенациональное государство не существует (с. 225–227, 229–231, 249). Тишков приводит слова Г.П. Федотова о том, что «Россия – не Русь, а союз народов», отмечая важное обстоятельство: философ считал национальное сознание многослойным, не взаимоисключающим, а наоборот, включающим в себя все уровни вплоть до общегосударственного, российского (с. 629–630).

Автор также доказывает, что местная идентичность никак не противоречит российской, а языковое и религиозное многообразие вовсе не препятствует гражданскому единству (с. 355, 371, 372, 374, 508–509). Согласно проведенному в

2008 г. в 14 регионах России опросу городского населения, самый высокий процент респондентов, согласных называть россиян нацией, оказался в Сыктывкаре и Екатеринбурге (с. 345, 379–381), где издавна существует характерная «уральская толерантность»¹ (с. 38). Рассмотрению религий по отношению к понятию «идентичность» Тишков посвящает отдельные главы, которые фактически могут служить кратким курсом истории религий, в разные эпохи распространенных на российском пространстве. Особое внимание закономерно уделяется взаимодействию русско-православного и тюрко-исламского (и просто тюркского) миров в российском пространстве (с. 404–405, 413, 445, 449–451, 504–505).

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемая книга – первый в отечественной и зарубежной историографии

скрупулёзный анализ категорий «нация» и «народ» в российском контексте с момента их зарождения до настоящего времени. Вывод автора однозначен: в нашей стране существует полиэтническая гражданская нация при сохранении богатого этнокультурного многообразия. Этнография народов, включенных в Российскую империю и в последующем в Российскую Федерацию, была разной, но история их с момента их включения в общее государство, становилась общей – российской историей, или историей российского народа.

Л.И. Миссонова

Примечание

¹ Подробнее см.: Головнев А.В. Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен / Под ред. Э.-Б. Гучиновой и Г.А. Комаровой. М, 2011. С. 443–444.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с., ил.

Коллективная монография, изданная под грифом Института российской истории РАН в рамках целевого конкурса РГНФ «1150 лет российской государственности», раскрывает роль этничности в истории России от славянского расселения в Восточной Европе до рубежа XX–XXI вв. Книга открывается главой «Древняя Русь: этнический аспект становления и развития государственности», в которой В.Я. Петрухин исследует вопросы, вызывавшие на протяжении последних двух столетий острые дискуссии: историко-этнографический контекст легенды о призвании варягов, огосударствление племенных территорий, конфессиональная основа формирования русского народа, политические и этнососоциальные предпосылки раздробленности княжеств. Сопоставление различных точек зрения позволило автору приподнять завесу над многими сюжетами этнической и религиозной истории Древней Руси.

В.В. Трепавлов осветил проблему миграции русских из центральных регионов России в Поволжье, Приуралье и Сибирь в

XVI–XVIII вв., отметив, что число переселенцев из столетия в столетие увеличивалось в связи с социальным расслоением в крестьянской среде и ужесточением крепостнических порядков. В начале освоения свободных земель практиковалось организованное, селекционированное властями переселение, но от него вскоре отказались в связи с нарастанием стихийной миграции, которая выбрасывала тысячи русских земледельцев на Волгу, в Заволжье и Зауралье. Выдвинутый в своё время в пропагандистских целях тезис «Россия – тюрьма народов», как известно, на протяжении XX в. широко использовался в общественно-политической литературе. В 1980-х гг., в трагический период разрушения союзного государства, эта своего рода концепция приобрела значение лозунга, который звал нации союзных и автономных республик «на баррикады», многократно усиливая митинговую стихию. Не упоминая о нём, Трепавлов по сути развенчивает его на конкретном историческом материале, исследуя региональные особенности этнической политики царизма в Поволжье, на Южном